

Грэм Грин
Henry Graham Greene
2 октября 1904 —
3 апреля 1991

110 лет со дня рождения

**Книги из фонда отдела
художественной литературы**

Грэм Грин - один из самых выдающихся писателей современности, он занимает особое место в истории литературы XX века.

Биография автора настолько полна удивительными фактами и событиями, что могла бы послужить основой романа, его книгами с одинаковым интересом зачитывались и интеллектуалы, и любители остросюжетных жанров.

Выпускник Оксфорда, в молодости коммунист, в годы Второй мировой войны британский разведчик, заядлый путешественник, записной донжуан, почетный доктор Кембриджского и Оксфордского университетов, он пользовался поистине мировой популярностью.

В основе многих послевоенных произведений писателя лежит тезис, что большая политика затрагивает своим крылом жизнь даже самых маленьких людей, что нигде и никому не дано укрыться от жаркого дыхания эпохи.

Первоначально работал журналистом в «Ноттингэм Джорнэл», затем внештатным корреспондентом «Таймс». В 1926 принял католицизм. После выхода своего первого романа «Человек внутри» (1929) оставил журналистику.

В 1930-х годах Грин побывал в Либерии и Мексике, результатом чего стали две книги путевых заметок: «Путешествие без карты» (1936) и «Дороги беззакония» (1939). На основе наблюдений ситуации в Мексике в 1940 он создал один из своих лучших романов «Сила и слава». Книга вызвала резкую критику со стороны католической церкви.

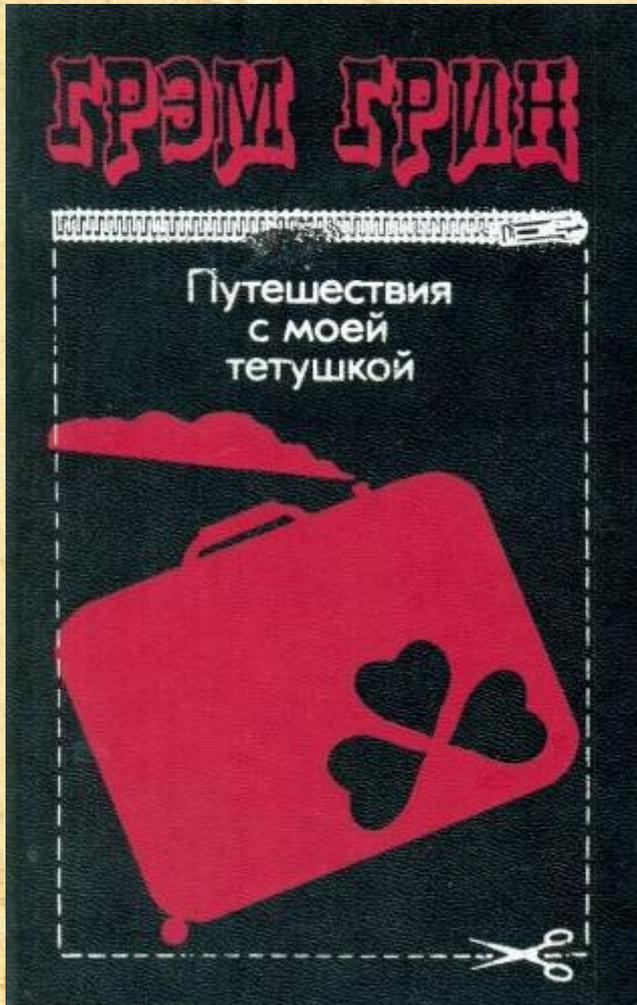
С 1941 по 1944 Грин работал в британской разведке в Сьерра-Леоне и в Португалии. После Второй мировой войны был корреспондентом журнала «Нью Рипаблик» в Индокитае. На основе событий в Южном Вьетнаме 1955-1956 создал роман «Тихий американец».

В 1960-1970 в качестве репортёра объездил множество стран, неоднократно бывал в «горячих точках».

После того как Грин выступил в защиту обвиняемых по делу Синявского и Даниэля, его на время перестали печатать в СССР (вплоть до 1981).

«Путешествие с тетушкой»

- Вы, как дядя Джо, хотите продлить жизнь.
 - Конечно, хочу, я умею получать от неё удовольствие.
- (Грэм Грин "Путешествия с тётушкой")

Изысканная и элегантная, как черное платье от Шанель, проза. И в то же время есть в ней некий хулиганский аксессуар, изюминка, очаровательный формажор, милая провокация. И зовут эту провокацию Августа.

«— Я в жизни не затевала ничего незаконного, — сказала тетушка. — Как можно что-то затевать, когда я никогда не читала законов и не имею о них понятия?»

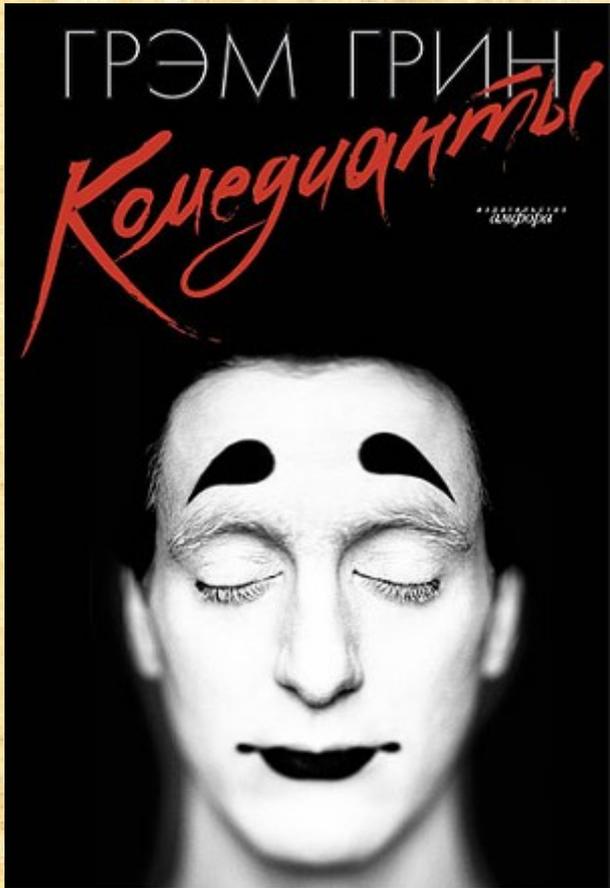
Читатели о книге:

«Очень яркая и емкая характеристика тетушки, с которой мы встречаемся на страницах этого романа и за которой с трудом успеваем. Это задорная, бесшабашная, экстравагантная, озорная старушка-ураган, прожившая свою жизнь красочно и насыщено. Она даже на закате своей жизни не сидит на месте, смело и весело бежит навстречу приключениям, которыми ее жизнь переполнена. И вот эта бестия врывается в жизнь своего племянника, пребывающего уже в почтенных годах, все переворачивает в ней вверх дном, и его рутинная, скучная и обыденная жизнь сменяется чередой приключений.»

«Книга-антидепрессант. Рекомендуются к обязательному прочтению всем занудам и брюзгам, которые, начиная с 25-ти лет, говорят про «вот уже и четверть века стукнула», «старость не радость», «столько не живут» и что-то там «про песок». Может быть, научатся чему-нибудь.»

Комедианты

Остросюжетный роман известного английского писателя обличает политические нравы Гаити времени правления диктатора Дювалье и рисует картины растущего движения за освобождение страны от антинародного режима, стоящего у власти.

«Я теперь понял, почему эти субъекты носят темные очки: они тоже люди, но им нельзя показывать страх, не то конец террору. Остальные тонтон макуты смотрели на меня из машины непроницаемо, как лупоглазые пугала.»

" Так устроена жизнь. Жестокость - как прожектор. Она шарит, нащупывая жертву. Мы ускользаем от неё только на время."

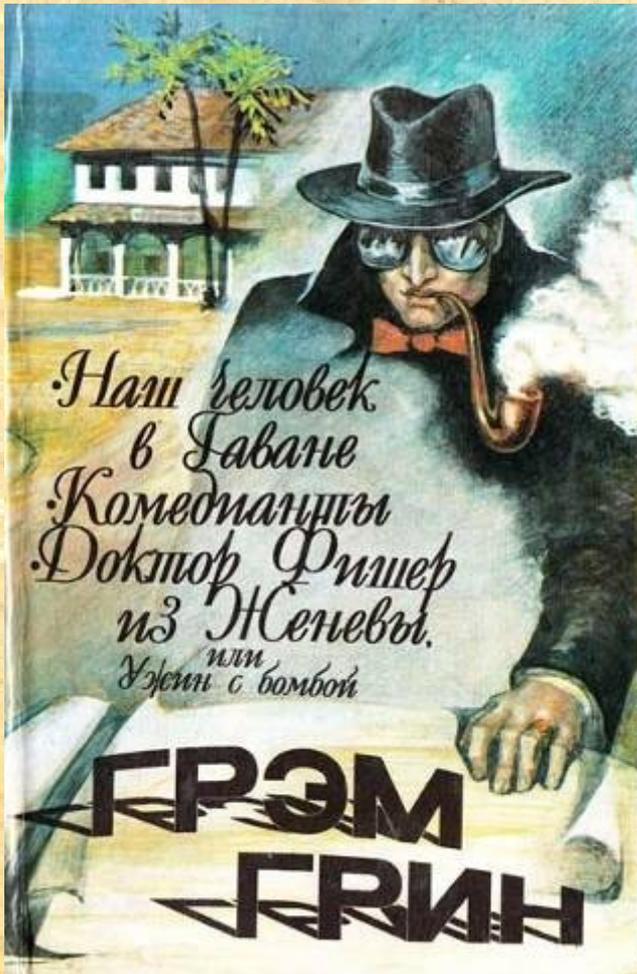
Читатели о книге:

"Почти у каждого в жизни наступает минута, после которой нет возврата к прошлому. Она приходит незаметно" .

Так случилось и в то августовское утро, когда пароход "Медея" причалил к берегам Гаити. В ту пору в "убогий стране террора" царил кровавый произвол: то было время правления диктатора Франсуа Дювалье (он же Барон Суббота, он же Папа-Доктор). Тут налицо плоды его системы: весь город мрачен и безлюден, кругом бедность и страх, полное бессилие перед царящим произволом свирепой тайной полиции - так называемые тонтон - макуты (даже в переводе они зовутся - оборотни) . А где-то в горах скрываются несколько повстанцев , по совместительству проповедники религии Вуду.

Страх. Он звенит буквально в воздухе... Им пронизан любой вздох и каждый камень на дороге. Так страх крепко обнимает главных героев, как только они покидают «Медею» и ступают на берег, где "кошмары реальны".

Доктор Фишер из Женевы, или Ужин с бомбой

Есть ли какая-нибудь мерка или степень, по которой можно было бы установить границы жадности? Насколько низко может пасть человек, идя на поводу своей жадности? На какие, опасные для жизни, маневры он способен согласиться ради корысти? Неужели нет предела человеческому пороку, которое так неприятно режет слух?

Жадность... Ее не измерить. Она все глубже и глубже засасывает человека в свое жерло, топит и убивает долгой мучительной смертью. Человек никак не может насытиться, и это не дает ему спокойно жить.

Читатели о книге:

Я, словно сидела с Джонсом в малолюдном тихом кафе, в самом дальнем углу под теплым карамельным светом, уютно льющим из бра, и он, с трубкой, в голубоватом облачке ароматного дыма со взглядом, устремленным в свое же прошлое, говорил. Я готова была слушать его долго долго... Бархатный голос, наполненный безграничным отчаянием, грустные глаза, прищуренные от дыма, отрешенные, далекие, одинокие...

Вспомнилась «Степь» Чехова:

«— Что я поделываю? — переспросил Соломон и пожал плечами. — То же, что и все... Вы видите: я лакей. Я лакей у брата, брат лакей у проезжающих, проезжающие лакеи у Варламова, а если бы я имел десять миллионов, то Варламов был бы у меня лакеем.

— То есть почему же это он был бы у тебя лакеем? — Почему?

А потому, что нет такого барина или миллионера, который из-за лишней копейки не стал бы лизать рук у жида пархатого. Я теперь жид пархатый и нищий, все на меня смотрят, как на собаку, а если б у меня были деньги, то Варламов передо мной ломал бы такого дурака, как Мойсей перед вами.»

Об этом романе очень мало написано. Единственная статья принадлежит перу отца Александра Меня, остальные авторы либо делают отсылку к Сервантесу и биографии Грэма Грина, либо повторяют статью отца Александра.

Мень сетует, что "Грин, говоря о серьезных вещах, как правило, уклоняется от серьезного тона. Трудно отделаться от впечатления, что он хочет любой ценой избежать ложного пафоса и для этого использует как камуфляж иронию, сатиру, юмор, подчас даже грубоватый, прячась за парадоксами, как то издавна было принято в английской литературе."

Грин не ведет. Он учит видеть, слышать, плакать, задавать вопросы, сомневаться в ответах, радоваться самой возможности сомневаться.

«Как в сущности нелепы хорошие люди... Все у них некстати и невпопад. А если они еще и искренние?»

Мир есть стройная система и иерархия. Правила выживания давно известны, игры стали уважаемы, а игроки почтенны. И тут вдруг эти хорошие...»

«Как должна была извратиться человеческая природа, что доброта стала вызывать такую ненависть? Когда доброта стала служить поводом для объявления доброго безумцем? Или того хуже - предателем? Когда священник, пытающийся взять пример с апостола Павла, стал считаться опасным еретиком?»

«Два человека путешествуют по дорогам Испании: христианин и марксист. Оба хорошие, оба искренне верующие, оба лишились своего места. Считают ли они себя проигравшими? Они даже не считают себя игравшими. Христос и Маркс для них не игра. Это смысл их жизни. А смысл не может быть выгодным или нет. Это еще называется верность призванию и долгу.»

Герои романа прекрасно сознают, что их убеждения разделяет глубокая пропасть, но это не мешает отцу Кихоту мечтать, как они будут ехать дальше, как будет крепнуть их дружба, и наступит такой момент, когда их столь разные веры придут к примирению.

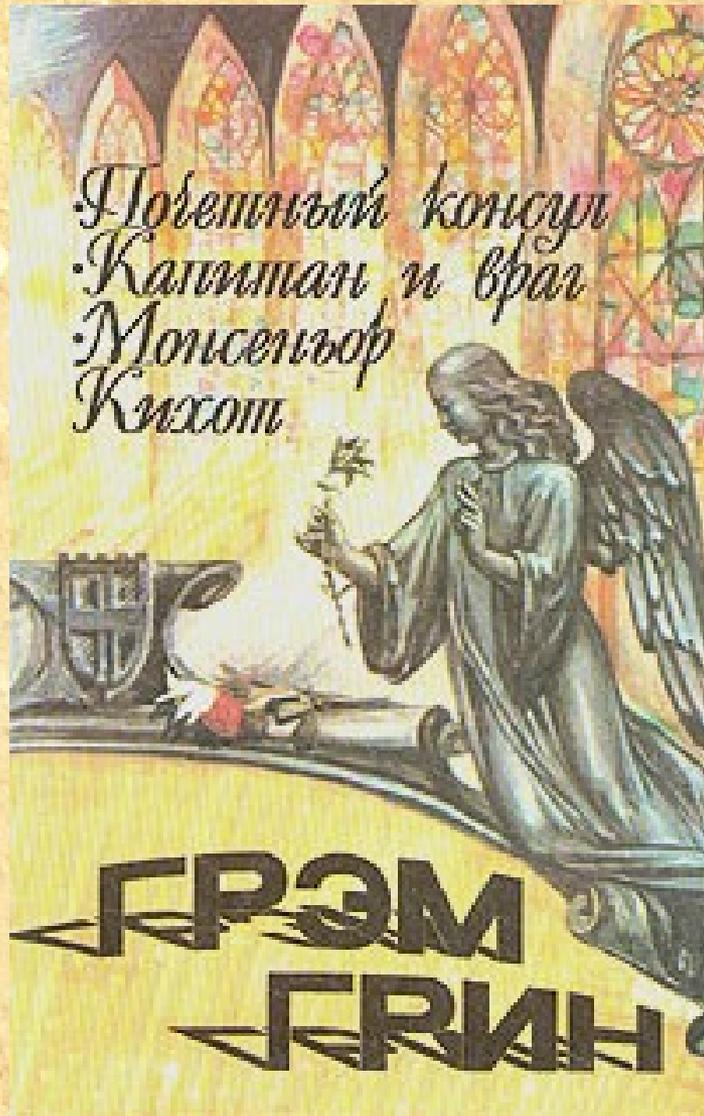
Оба они — и монсеньор Кихот и Санчо — знают о грехах и ошибках своих партий, о преступлениях, творившихся порой под сенью креста или серпа и молота, — но это не умаляет их веры в высшие идеалы. «Мне кажется, что вы больше верите в коммунизм, чем в партию», — говорит Кихот мэру, а тот отвечает ему: «Я примерно то же самое собирался сказать про вас, отче: что вы, похоже, больше верите в католицизм, чем в Рим».

«Коммунизм, мой друг, это нечто большее, чем Марксизм, так же как Католицизм — нечто большее, чем Римская Курия...»

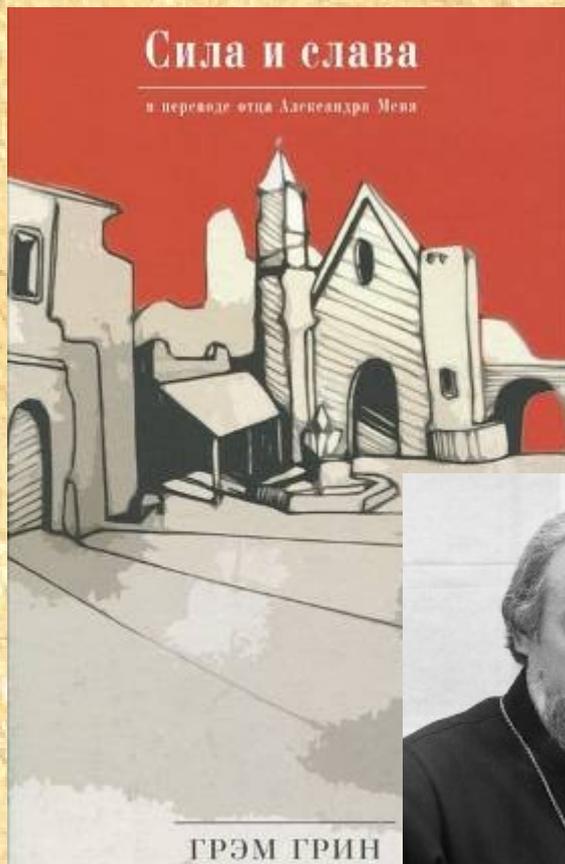
«Наверное, нас что-то объединяет, отче...»

Человеческий фактор всегда присутствует в книгах писателя. Грин заметил однажды, что его интересует человеческое именно в тех героях, у которых человечность наименее очевидна. Он проникает в глубину и создает образы со сложным, парадоксальным психологическим рисунком, как комедиант Джонс или почетный консул Чарли Фортнум.

Авантюрист Джонс в «Комедиантах» настолько входит в роль героя, что находит в себе силы с честью доиграть ее, — и в финале эта, поначалу иронически очерченная фигура, обретает трагическое достоинство. Опустившийся престарелый Фортнум в «Почетном консуле» оказывается способным на сострадание и любовь, и мужественно ведет себя перед лицом смертельной опасности. Недаром доктор Пларр признается в конце романа: «Такое глупое, избитое слово — любовь. Для меня оно никогда не имело смысла. Как и слово бог. Я знаю, как спят с женщиной, я не знаю, как любят. Жалкий пьянчужка Чарли Фортнум победил меня в этой игре.»

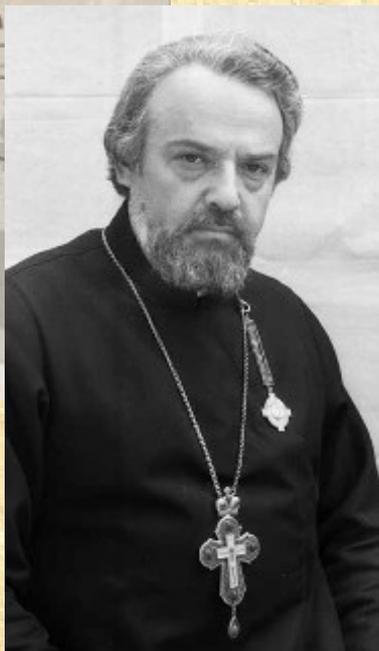

Грешник у писателя сплошь и рядом оказывается в чем-то праведником, а праведник — не без греха. Не одномерен, как обычно у Грина, и пройдоха, авантюрист по кличке Капитан из позднего романа Капитан и враг (он трогательно заботится о своей жене Лайзе, ради которой готов на все). Грин написал, что если бы искал эпиграф для всех своих романов, то выбрал бы слова Роберта Браунинга: **«Нам интересны те, кто балансирует на опасной грани — честный вор, нежный убийца, суеверный атеист...»**

Наталья Трауберг. О переводе о. Александром Менем романа Г. Грина «Сила и Слава»:

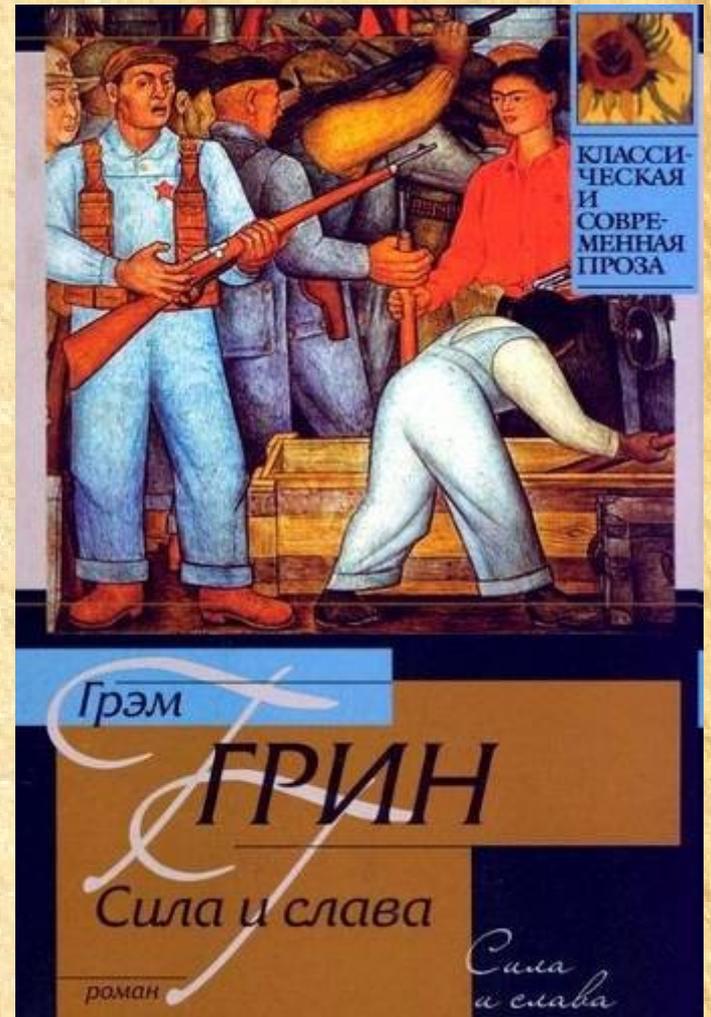
«Вышел роман Грэма Грина в переводе отца Александра. Выходил он и раньше, в переводе Натальи Альбертовны Волжиной. Сделаны оба перевода очень давно и почти одновременно (у отца Александра, по-видимому, чуть раньше), а потом, как всегда с Грэмом Грином, пошли приключения, которые могут быть и чудесами. Перевод Волжиной начисто потерялся — и неожиданно нашелся. Перевод батюшки жил странной самиздатской жизнью.»

Протоиерей Александр Мень

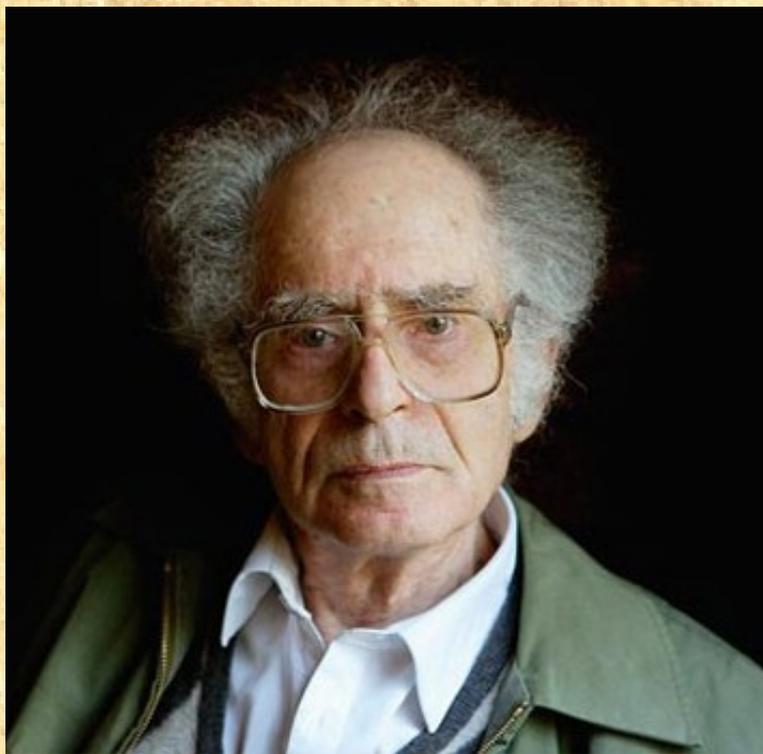
«В переводе о. Александра к гриновскому роману прибавляется голос его собственный; интонация передает даже улыбку.»

«Конечно, перевод Волжиной лучше, тут и говорить не о чем, однако новое издание — это свидетельство, документ. Так передал отец Александр дерзкий роман Грина, который испугал даже Пия XII. Казалось бы, жизнь нашего отца и жизнь безымянного патера — похожи: оба исповедуют Христа в безбожной стране, оба — за это убиты. Конечно, они — мученики в полном смысле слова, свидетели. Но патер (как обычно у Грина) живет в мире максимально похожем на ад. Отец Александр видел мир преображенным. Помню, как в 1975 году в маленьком новодеревенском домике, когда я пожаловалась ему, что уже совсем нет сил, дышать нечем, он показал в окно на дерево и птиц. И на кошку.»

«Человек так ограничен: он даже не способен изобрести новый грех - все это есть и у животных. И за этот мир умер Христос! Чем больше видишь вокруг себя зла, чем больше слышишь о нем, тем большей славой сияет эта смерть. Легко отдать жизнь за доброе, за прекрасное - за родной дом, за детей, за цивилизацию, но нужно быть Богом, чтобы умереть за равнодушных, за безнравственных.»

«Лейтенант стоял, держа руку на кобуре, и смотрел в карие, внимательные, полные терпения глаза. Вот за кого он борется. Он изгонит из их детства все, что ему самому приносило одно горе, - нищету, суеверие, пороки. Они заслуживают правды о пустой вселенной, о холоде остывающей земли и права на счастье - любое, какого им захочется. Ради них он был готов испепелить весь мир - сначала Церковь, потом иностранцев, потом политиков - даже его начальнику придется когда-нибудь сгинуть. Он начнет жизнь с такими вот ребятами заново - с нуля.»

«Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело. Все превращается в прах – и люди, и системы. Но вечен дух ненависти в борьбе за правое дело. И благодаря ему, зло на Земле не имеет конца. С тех пор, как я это понял, считаю, что стиль полемики важнее предмета полемики».

Григорий Соломонович Померанец, мыслитель, культуролог, писатель и публицист

Читатели о книге:

«Силу и славу» ввести бы в учебную программу для разных специальностей. Для врачей, которые любят догнать пациента и причинить ему добро. Для социологов: до какого мракобесия докатится в полевых условиях просвещённый атеист? Для священников. Для военных, ведь озабоченный всеобщим счастьем Лейтенант под конец выглядит Бармалеем из советской сказки: «У меня в два дня все станут счастливые, а кто не станет, я того в бараний рог согну, сотру в порошок и брошу акулам». Кто же тогда падре Хосе, алкоголик, трус и разгильдяй падре Хосе? Он и есть доктор Айболит. Потому что он лечит не то, что предписано идеологией, а то, что болит. Горе по умершим близким, страх собственной смерти, жгучий стыд безбрачного сожителства и одиночество некрещёного верующего. Вот такой вот «Айболит-666».